

УДК 330.564.2(571.513)(045)

*Л.К. Субракова***АНАЛИЗ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКИХ РЕГИОНОВ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО СОКРАЩЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДОХОДОВ**

Проблема доходов населения в России выражается как в общем невысоком их уровне, так и в значительной дифференциации доходов по регионам и секторам экономики. Целью статьи является исследование факторов, условий и ограничений, препятствующих преодолению избыточного разрыва в уровне доходов в регионах страны. Методы исследования: аналитический, экономико-статистический, моделирования. Проанализированы показатели денежных доходов населения регионов Сибирского федерального округа, выяснено, что при отстаивании по величине доходов имеются различия по структуре источников их формирования. В частности, доля доходов от предпринимательства, оплаты труда и социальных выплат в сибирских регионах выше, чем в среднем по России, а доля доходов от собственности и прочих доходов – ниже. Обобщены направления государственной политики доходов, проблемы и меры повышения доходов населения в России. Миграция как инструмент поиска больших заработков широко практикуется в современных условиях, ее последствия для регионов-доноров рабочей силы, в качестве которых выступают регионы Сибири, преимущественно отрицательны. На основе факторов и эффектов трудовой миграции предложена модель для определения изменения валового регионального продукта, расчеты с помощью которой на примере Республики Хакасия показали реальные потери производства за счет выездной миграции из региона.

Ключевые слова: доходы населения; структура доходов населения; дифференциация доходов; миграция; потенциальный ВРП; Республика Хакасия, государственная политика доходов.

DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-6-987-994

Пространственная неравномерность развития российских регионов, объективно обусловленная масштабом территории, историческими особенностями ее заселения и хозяйственного освоения, пространенностью полезных ископаемых, структурой видов экономической деятельности, особенно наглядно проявляется в дифференциации доходов населения.

Исследование проблемы разрыва получаемых населением доходов показало, что данное явление может расцениваться как естественное и избыточное, угрожающее социально-экономической стабильности [1]. В статье [2] обоснована противоположная направленность динамики межрегионального и внутрирегионального неравенства доходов по фазам цикла. В качестве факторов дифференциации доходов авторами [3] рассматриваются особенности развития социального капитала, а также социально-демографические характеристики территории [4]. Анализ потенциального воздействия показателей рынка труда и занятости на инфляционные процессы позволил выявить, что доходы населения не оказывают определяющего воздействия на инфляцию в России [5]. Проанализировано противоречивое воздействие дифференциации доходов на региональную экономику, вызывающей, с одной стороны, рост производительности, а с другой – негативное социально-психологическое состояние в обществе [6]. Исследованием [7] выявлено нивелирование разницы в номинальных доходах жителей регионов за счет территориальных различий стоимости жизни.

Значительные различия российских регионов требуют детального изучения условий и ограничений, препятствующих преодолению избыточного разрыва в уровне доходов. Автором исследовались некоторые аспекты проблемы доходов в Республике Хакасия [8–10]. Целью данной статьи является анализ факторов формирования денежных доходов населения региона и мер по их повышению в рамках государственной политики.

Современное понимание категории доходов сложилось под влиянием теории Дж. Хикса, определившего доход как «максимальную сумму, которую можно направить на потребление в течение недели и в то же время сохранить в конце недели благосостояние таким же, каким оно было в ее начале» [11, с. 290]. Другой неоклассик А. Маршалл, различая доход, обеспечивающий «необходимейшие средства существования» (физическое счастье), и доход, приносящий духовное счастье, утверждал, что повышение зарплаты более бедного класса увеличит общую сумму счастья больше, чем такое же повышение доходов представителей любого другого класса [12, с. 137, 311]. Этим по-

ложением определена необходимость добиваться роста доходов в разном соотношении для социальных групп, что будет способствовать преодолению разрыва доходов.

Разные теоретические подходы к пониманию доходов привели к различному толкованию политики доходов как части финансово-бюджетной и социальной политики государства. В зарубежной практике понимание политики доходов сводится к политике контроля инфляционных процессов путем ограничений роста заработной платы и других видов доходов [13]. Одни экономисты утверждают, что при умеренной инфляции политика в области доходов является более эффективной, чем при рецессиях. Другие эксперты полагают, что инфляция, по сути, является денежно-кредитным явлением, и единственный способ справиться с ней – это контролировать денежную массу напрямую или путем изменения процентных ставок. При этом избыток денег в экономике сильно искажает сферы, на которые политика не распространяется.

Поэтому политика доходов в составе государственной социальной политики является более действенной и целесообразной, так как нацелена на решение задач оказания помощи уязвимым группам населения за счет использования системы социального обеспечения и нивелирования инфляционных процессов, оказывающих влияние на доходы и сбережения граждан [14]. Статистические данные о показателях денежных доходов населения регионов Сибирского федерального округа (СФО) представлены в табл. 1.

Таблица 1

Динамика доходов и уровня жизни населения регионов Сибирского федерального округа в 2021–2022 гг. [15; 16]

регионы	Среднедушевые денежные доходы населения, руб./мес.		Доля населения за чертой бедности, %	
	2021	2022	2021	2022
Республика Алтай	23 781	27 358	22,4	20,4
Республика Тыва	20 651	21 776	29,4	28,8
Республика Хакасия	26 068	28 772	17,9	18,1
Алтайский край	26 100	31 142	16,8	15,4
Красноярский край	36 090	41 509	16,1	14,5
Иркутская область	30 347	34 760	16,5	14,9
Кемеровская область	28 048	32 417	12,4	11,4
Новосибирская область	35 277	39 843	12,9	11,3
Омская область	29 976	34 725	12,8	12,0
Томская область	31 054	34 748	13,5	12,7
Сибирский федеральный округ	30 778	35 386
Российская Федерация	40 304	44 937	11,0	9,8

Как следует из официальной статистики, по уровню доходов населения сибирские регионы находятся на предпоследнем 7-м месте в России (ниже доходы только в Северо-Кавказском федеральном округе). В 2022 году уровень денежных доходов населения всех регионов Сибири увеличился в по сравнению с предыдущим годом на 15,0 % (в России – на 11,5 %), но остался ниже среднероссийского уровня на 26,3 % (в 2021 г. – на 29,3 %).

В Республике Хакасия уровень доходов населения является одним из самых низких в стране (74 место) и в СФО (8 место из 10). При этом все три республики в составе СФО входят в число регионов с наименьшими доходами в России (Республика Тыва – 85, Республика Алтай – 83 место). Повышение доходов за 2021–2022 гг. происходило в Хакасии сравнительно более низким темпом – 110,4 %, чем в соседних регионах, кроме Республики Тыва, и на 1,1 п. п. ниже, чем в среднем в РФ.

Важным показателем, характеризующим социально-экономическое развитие страны и ее регионов, является т. н. уровень бедности, определяемый, согласно Методике, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 915 [17], по доле населения с доходами, ниже величины прожиточного минимума субъекта РФ. Как следует из данных табл. 1, доля населения с доходами за чертой бедности в Республике Хакасия составляла в 2022 г. 18,2 %, что вы-

ше, чем в большинстве регионов СФО. Так, в семи регионах доля бедных была от 11,3 % в Новосибирской области до 14,9 % в Иркутской области при среднем значении показателя в России – 9,8 %. В двух регионах СФО доля населения с низкими доходами весьма велика: в Республике Тыва – 28,8 %, в Республике Алтай – 22,4 %, однако, там она снизилась за год соответственно на 0,6 и 8,0 п. п., тогда, как в Хакасии – повысилась на 0,2 п. п.

В табл. 2 представлена динамика денежных доходов населения России и регионов СФО по источникам формирования.

Таблица 2

Структура денежных доходов населения по источникам формирования за 2019–2022 гг., % [18]

Источники доходов	2019	2020	2021	2022
Российская Федерация				
предпринимательская и другая производственная деятельность	5,9	5,2	5,7	6,2
оплата труда	57,3	57,2	57,2	56,7
социальные выплаты	18,8	21,4	20,6	21,0
доходы от собственности	5,1	5,8	5,7	10,8
прочие денежные поступления	12,9	10,4	10,8	10,8
Регионы Сибирского федерального округа				
предпринимательская и другая производственная деятельность	6,9	5,8	6,3	6,6
оплата труда	61,0	60,0	60,3	61,2
социальные выплаты	23,7	23,7	27,1	25,9
доходы от собственности	3,6	3,6	3,2	2,8
прочие денежные поступления	4,8	3,0	3,1	3,5

Сравнение структуры денежных доходов населения России и сибирских регионов показывает, что при сохранении среднедушевых доходов в Сибири на более низком уровне (табл. 1) источники их формирования стабильно отличаются (табл. 2). А именно, доля доходов от предпринимательской, трудовой деятельности и социальных выплат в регионах СФО выше, чем в России на 9,6; 9,6; 10,2 и 15,3 п. п. по годам соответственно, а доля доходов от собственности и прочих денежных поступлений ниже, чем в России в целом. Объяснение подобных явления тем, что «доходы от собственности в условиях рыночной экономики ... зависят от финансовой грамотности населения, уровня предприимчивости и инициативы граждан и их благосостояния» [19], требует уточнения в отношении сибирских регионов. Так как удельный вес доходов от предпринимательства в регионах СФО больше в 1,4; 1,6; 1,8 и 3,6 раза аналогичного показателя в РФ, а уровень финансовой грамотности, выраженный индексом финансовых знаний, в СФО был самым высоким (2,67 из 6,0) среди федеральных округов РФ (1,72) в 2018 г. [20], то выявленное различие структуры можно отнести только на фактор отставания по уровню благосостояния. Одним из важнейших базисных показателей благосостояния служат доходы населения, низкий уровень которых в сибирских регионах и объясняет отклонение в структуре доходов.

Обращают на себя внимание данные в табл. 2, свидетельствующие о превышении удельного веса социальных выплат в сумме доходов населения СФО по сравнению со среднероссийским показателем на 4,9; 2,3; 6,5; 4,9 п. п., что показывает большую нуждаемость жителей Сибири в материальной поддержке со стороны государства по социальным нормативам.

Таким образом, проблема низких доходов и их резкой дифференциации не решена и требует всестороннего исследования. Как отметил Президент России в обращении к депутатам Госдумы VIII созыва: «главный наш враг, угроза для стабильного развития, для демографического будущего – это низкие доходы наших граждан, миллионов наших людей» [21].

По мнению В.В. Путина, «базовая задача – это повышение доходов граждан, создание рабочих мест во всех регионах страны, дальнейший рост экономики, изменение ее структуры, поддержка высокотехнологичных отраслей, снятие барьеров, все еще ограничивающих развитие малого бизнеса, чтобы люди имели как можно больше возможностей для повышения благополучия и благосостояния своих семей».

В соответствии с государственной политикой доходов составлена табл. 3 с характеристикой существующих проблем и мер по повышению доходов населения в России.

Таблица 3

Направления государственной политики доходов, проблемы, и меры повышения доходов населения в России

направления	проблемы	Меры повышения доходов
Создание новых рабочих мест	Преобладание низкоквалифицированных рабочих мест	Внедрение промышленной ипотеки, субсидирование лизинга современного оборудования и программ подготовки кадров
Развитие экономики во всех регионах	Неравномерность экономического развития регионов	Создание ОЭЗ в сибирских регионах: Красноярском крае (2020), Кемеровской (2022), Омской (2020) областях, Республике Хакасия и Республике Тыва (2024)
Малый бизнес	Недоступность финансовых ресурсов, низкая квалификация предпринимателей и работников, низкая зарплата	Переход от неформальной к легальной деятельности для обеспечения доступа к финансам и рынкам. Цифровизация управления МСП для улучшения понимания рыночной конъюнктуры и обеспечения доступа к рынкам и производственно-сбытовым цепочкам
Развитие человеческого капитала	Нерациональное использование имеющегося человеческого капитала	Развитие институтов капитализации знаний и навыков работников
Изменение структуры экономики	Осуществление обратной индустриализации, недостаток кадров для производства	Повышение доли государственного заказа, уменьшение теневого сектора, контроль оплаты труда

Рядом исследований установлено, что территориальные различия в стоимости жизни нивелируют разницу в номинальных доходах жителей регионов [7; 22]. Эти выводы в практическом осуществлении государственной политики доходов означают возможность оказания унифицированной, а не дифференцированной поддержки населения регионов. Однако рациональный экономический подход к политике доходов следует дополнить субъективно-психологическим восприятием различий в доходах со стороны их получателей. Повседневная оценка собственного дохода осуществляется скорее по номинальному значению, чем с учетом региональной инфляции. Поэтому люди склонны к поиску большего дохода, в том числе со сменой места жительства. Данные о выездной миграции населения представлены в табл. 4.

Таблица 4

Число выехавших из регионов России за 2019-2022 гг., чел. [23]

макрорегионы	2019	2020	2021	2022
РФ	4 464 666	4 014 269	3 847 540	3 793 617
СФО	557 907	501 463	492 144	523 285

По результатам расчетов на основе данных табл. 4 получается, что среднегодовой темп выездной миграции за 2019–2022 гг. составлял в РФ 92,1 % ($\sqrt[4]{0,899 * 0,958 * 0,985}$), а в регионах Сибирского федерального округа – 96,8 % ($\sqrt[4]{0,899 * 0,981 * 1,063}$), что подтверждает более интенсивную миграционную убыль в Сибири, чем в среднем в России.

Миграция населения оказывает разнонаправленное воздействие на доходы, поэтому политика миграции должна быть тесно сопряжена с государственной политикой доходов. Как выяснено в исследовании ЦБР [24], опережающий индикатор ВРП и уровень безработицы в регионах-донорах рабочей силы не показывают четкой реакции на 1 %-е увеличение оттока людей из регионов. В то же время наблюдается слабое повышение реальной заработной платы на 0,02-0,03 %, что предположительно может быть вызвано конкуренцией между работодателями на рынке труда в условиях сокра-

щения рабочей силы. При этом в регионах-реципиентах после увеличения предложения труда в экономике при прочих равных условиях его предельная производительность (и реальная заработная плата) снизится, а предельная производительность капитала возрастет.

Оценка потерь от эмиграции рабочей силы в исследовании [25] показывает, что за период 2016–2019 гг. потери России от выезда за рубеж лиц с высшим, средним и начальным профессиональным образованием составили от 16,9 до 19,3 млрд руб. в год, что соответствует 0,2 % всего накопленного к 2020 г. человеческого капитала, сформированного за счет расходов на образование. Из-за миграционного оттока ежегодно недопроизводится около 20 млрд руб. ВВП (0,5 %). Аналогичные выводы можно сделать и в отношении межрегиональной миграции, в результате которой только 15 регионов принимают рабочую силу, а остальные – теряют человеческий капитал, созданный на своей территории, что уменьшает экономический потенциал и доходную базу в настоящем и будущем.

Выявлено слабое влияние на уровень доходов миграции работников с высшим образованием как в регионах, принимающих, так и отдающих рабочую силу [26], что объясняется недостаточным спросом на труд высокой квалификации и несбалансированностью структуры рынка труда по профессиям и специальностям.

Анализ динамики межрегиональной дифференциации в Китае [27] показал, что ее снижению в последнее десятилетие способствовал переход от государственного регулирования инвестиций к рыночным основам движения частных вложений с восточных провинций на запад и в центр страны. При этом отстающие в экономическом развитии провинции создавали условия благоприятствования всем инвесторам, тогда как власти развитых восточных регионов вытесняли грязные производства, оставляя высокотехнологичные предприятия. Сближение и опережение темпов экономического роста западных провинций сопровождалось уменьшением разрыва в доходах.

С 2021 года Правительство РФ занималось разработкой Фронтальной стратегии социально-экономического развития России до 2030 года, одним из направлений которой являлась стратегия «Агрессивное развитие инфраструктуры». Финансирование этой самой дорогостоящей стратегии определялось в 12 трлн руб. из бюджета и ФНБ на реализацию инициатив по сбалансированному пространственному развитию, предусматривающего создание 41 агломерации с населением 60 млн чел. к 2030 году и выделение геостратегических регионов (Дальний Восток, Кавказ, Калининград, Крым и Севастополь). Для крупнейших агломераций будут созданы условия интенсивного экономического развития, а в 15 из них (25 млн чел.) темпы будут выше среднероссийских [28].

Интерес представляет определение последствий этого процесса для не входящих в их число регионов и городов. Агломерационные процессы в России запускаются исключительно из экономических соображений, ради финансово-бюджетного эффекта (количество регионов-доноров государственного бюджета планируется увеличить к 2030 году в 1,5 раза), при этом социально-демографическим последствиям не уделяется должного внимания. Большинство регионов на севере и востоке страны остаются за пределами создаваемых агломераций, условия жизни, в том числе доходы и жилье в них будут еще больше отставать от наиболее развитых регионов и средних показателей по стране.

Республика Хакасия является одним из регионов многочисленной группы субъектов РФ, характеризующихся относительно невысоким уровнем социально-экономического развития, низкими доходами, значительным оттоком трудовых ресурсов. Вследствие трудовой миграции в регионах, поставляющих рабочую силу, происходят изменения, в частности: рост заработной платы мигрантов; увеличение доходов оставшихся трудящихся; снижение доходов владельцев остальных факторов производства; снижение объемов производства за счет использования остающихся трудовых ресурсов; снижение уровня безработицы [29].

С учетом последствий миграции составлена модель (1) аддитивного типа, позволяющая определить изменение объема ВРП региона-донора трудовых ресурсов по методу доходов под влиянием миграции:

$$\Delta \text{ВРП}_{\text{мигр}} = \text{ВРП}_{\text{факт}} + \Delta \text{ЗП}_{\text{ост.р.с.}} - \Delta \text{Д}_{\text{кап}} - \Delta \text{ВРП}_{\text{р.с.-мигр}} \quad (1),$$

где $\text{ВРП}_{\text{факт}}$ – фактический ВРП;

$\Delta \text{ЗП}_{\text{ост.}}$ – изменение заработной платы остающихся в регионе трудящихся;

$\Delta \text{Д}_{\text{кап.}}$ – изменение доходов от остальных факторов производства;

$\Delta \text{ВРП}_{\text{р.с.-мигр.}}$ – изменение ВРП при использовании остающихся трудовых ресурсов.

Фактический объем ВРП, по данным статистики, складывается под влиянием факторов увеличения доходов остающихся трудящихся, снижения доходов владельцев остальных факторов производства и уменьшения производства при использовании остающихся трудовых ресурсов. Зарплата трудовых мигрантов может быть приблизительно оценена по модальной зарплате в регионе-доноре, поскольку внутрорегиональная миграция в РФ приводит к постепенной конвергенции регионов по зарплате, как это выявлено в исследовании [26]. Трудовые доходы остающихся работников регионов-доноров могут быть определены с увеличением, по расчетам ЦБР, на 0.02 % на каждый процент роста миграции [24]. Доходы владельцев остальных факторов производства принимаются как денежные доходы населения от предпринимательской и другой производственной деятельности с корректировкой на долю выезжающих мигрантов в общей численности рабочей силы. Уменьшение объема ВРП вследствие использования остающейся рабочей силы не рассчитывается из-за отсутствия необходимых данных. Расчет ВРП для Республики Хакасия, скорректированного на миграционный эффект, приведен в табл. 5.

Таблица 5

**Расчет ВРП Республики Хакасия с учетом влияния выездной миграции рабочей силы
за 2022 год**

№	показатели	формула	расчет	млн руб.	
1	ВРП факт	–	–	352 516	
2	изменение заработной платы остающихся трудящихся	Модальная зарплата × число занятых × темп роста миграции × темп роста зарплаты	30 000 руб. × 159 530 чел. × 0,969 × 1,002% =	46,4	
3	изменение доходов от предпринимательской и другой производственной деятельности	Среднедушевой денежный доход × среднегодовая численность населения × доля дохода от предпринимательства × доля мигрантов в общей численности населения	28 698 руб. × 531 611 чел. × 6,3% × 3,9% =	73,5	
4	ВВП скорр.	352 516 + 46,4 – 73,5 =			352 488,9

Как следует из результатов расчета, уменьшение доходов от предпринимательства превысило увеличение доходов остающихся работников при выездной миграции и привело к фактическим потерям ВВП в объеме 27,1 млн руб. (73,5 – 46,4). Потенциальный объем ВРП региона составляет 352 589,5 млн руб. (352 516 + 73,5).

Таким образом, углубляющийся разрыв в социально-экономическом развитии регионов, уровне доходов населения может быть преодолен сопряженными мерами государственной политики доходов и государственной миграционной политики в современных условиях, так как перенос этих мер в будущее означает усугубление имеющихся проблем и повышение объемов бюджетных средств, необходимых для их решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шарин В.И. Проблемы избыточной дифференциации доходов населения в России // Вестник УрГЭУ. 2014. № 1 (51). С. 38–42.
2. Зубаревич Н.В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // Общественные науки и современность. 2019. № 4. С. 57–70. URL: <https://doi.org/10.31857/S086904990005814-7> (дата обращения: 10.06.2023).
3. Карманова Н.Е., Корицкий А.В. Оценка влияния социального капитала на доходы населения регионов России // Статистика и Экономика. 2019. № 16(5). С. 111–120. URL: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2019-5-111-120> (дата обращения: 10.06.2023).
4. Гончарова К.С. Социально-демографические особенности региональной дифференциации доходов населения России // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦКПУВИ

- Сыктывкарского государственного университета. 2019. № 4. С. 157–168. URL: <https://DOI:10.34130/2070-4992-2019-4-157-168> (дата обращения: 11.06.2023).
5. Андриухин А.Ю. Статистическая оценка взаимосвязей показателей рынка труда и инфляции в экономике России // *Статистика и Экономика*. 2021. № 18(4). С. 9–21. URL: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2021-4-9-21> (дата обращения: 11.06.2023).
 6. Фомина Н.Н. О взаимосвязи дифференциации доходов населения и экономического развития региона // *Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление*. 2019. Вып. 4. С. 78–81. URL: <https://journals.vsu.ru/econ/article/view/2485> (дата обращения: 11.06.2023).
 7. Суринов А.Е., Луппов А.Б. Влияние региональных различий стоимости жизни на национальные оценки неравенства по доходам // *Экономика региона*. 2021. № 17 (3). С. 814–827. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-7> (дата обращения: 12.06.2023).
 8. Субракова Л.К. Повышение доходов населения как фактор сохранения и развития малых сёл // *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право*. 2021. Т. 31. № 6. С. 992–1000. URL: <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2021-31-6-992-1000> (дата обращения: 12.06.2023).
 9. Субракова Л.К., Запыкина В.Р. Финансовые технологии: факторы регионального проникновения // *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право*. 2022. Т. 32. № 6. С. 1027–1034. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2022-32-6-1027-1034> (дата обращения: 22.06.2023).
 10. Субракова Л.К., Долчинков Н.Т. Доходы населения как фактор обращения с твердыми коммунальными отходами // *Инвестиционно-инновационное развитие в условиях цифровизации экономики: стратегии, факторы, механизмы: Материалы Круглого стола, Донецк, 14 апреля 2021 года*. Донецк, 2021. С. 225–227.
 11. Хикс Дж.Р. Стоимость и капитал. / пер. с англ. Общ. ред. и вступ. ст. Р.М. Энтова. М.: Прогресс, 1993. 488 с.
 12. Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3 т. Т. 3. / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1993. 351 с.
 13. Wu B. (2011) *Consumption and Management: New Discovery and Applications*. p. 99–110. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-1-907568-07-7.50005-5> (дата обращения: 15.06.2023).
 14. Биганова М.А. Особенности доходной политики как важнейшего направления социальной политики // *Управление*. 2019. № 7(4). С. 100–105. URL: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-4-100-105> (дата обращения: 15.06.2023).
 15. Среднедушевые доходы населения по субъектам Российской Федерации // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 15.06.2023).
 16. Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) в целом по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации, в процентах от общей численности населения // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 15.06.2023).
 17. Методика расчета показателя "Уровень бедности" на период до 2024 года включительно, в том числе на отчетный период (текущий год) и на плановый период, составляющий два года, следующие за отчетным периодом. Приложение № 20 к постановлению Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 915. URL: <http://government.ru/docs/all/123256/?page=4> (дата обращения: 15.06.2023).
 18. Структура денежных доходов по источникам формирования. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31501> (дата обращения: 15.06.2023).
 19. Маркова Н.А. Анализ денежных доходов населения: вызов времени // *Научные проблемы водного транспорта*. 2021. № 68. С. 134–149. URL: <https://doi.org/10.37890/jwt.v68.209> (дата обращения: 21.06.2023).
 20. Моисеева Д.В., Дулина Н.В., Небыков И.А. Финансовая грамотность населения: дифференциация по федеральным округам // *Primo aspectu*. 2020. № 3(46). С. 9–14. URL: <https://DOI:10.35211/2500-2635-2020-3-43-9-14> (дата обращения: 16.06.2023).
 21. Встреча Президента РФ с депутатами Государственной Думы восьмого созыва. URL: <http://duma.gov.ru/news/52417/> (дата обращения: 16.06.2023).
 22. Михеева Н.Н., Басарева В.Г. Региональные особенности бедности в России // *Проблемы прогнозирования*. 2021. № 5(188). С. 74–85. URL: <https://doi.org/10.47711/0868-6351-188-74-85> (дата обращения: 16.06.2023).
 23. Число выбывших. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 17.06.2023).
 24. Влияние миграционных потоков на экономическую активность и рынок труда России в целом и региональном аспекте: Серия докладов об экономических исследованиях / М. Кудаева, И. Редозубов. М.: Центральный банк РФ, 2021. 45 с. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/131869/wp_khab_dec.pdf (дата обращения: 17.06.2023).
 25. Слепенкова Ю.М. Потери человеческого капитала, вызванные эмиграцией // *Проблемы прогнозирования*. 2022. № 4. С. 112–123. URL: <https://DOI:10.47711/0868-6351-193-112-123> (дата обращения: 17.06.2023).
 26. Бураншина Н.А., Смирных Л. И. Человеческий капитал мигрантов и конвергенция российских регионов по заработной плате // *Вопросы экономики*. 2018. № 12. С. 121–138.
 27. Мозиас П.М. Межпровинциальное неравенство и региональная политика в Китае // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика*. 2023. № 1. С. 98–126. URL: <https://DOI:10.31249/RVA/2023.01.07> (дата обращения: 01.06.2023).
 28. Стратегия «Агрессивное развитие инфраструктуры». Правительство Российской Федерации. URL: <https://sroportal.ru/media/стратегия-агрессив-развитие.pdf> (дата обращения: 21.06.2023).

29. Батищева Г.А. Моделирование экономических последствий трудовой миграции // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2009. № 3. С. 219–225.

Поступила в редакцию 26.06.2023

Субракова Людмила Константиновна, кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики и бизнеса
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»
655017, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. К. Маркса, 11
E-mail: sub_lk@mail.ru

L.K. Subrakova

**ANALYSIS OF THE POPULATION INCOME IN SIBERIAN REGIONS AND THE STATE POLICY
TO REDUCE REGIONAL INCOME DIFFERENTIATION**

DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-6-987-994

The problem of incomes of the population in Russia is expressed both in their general low level and in a significant differentiation of incomes by regions and sectors of the economy. The purpose of the article is to study the factors, conditions and restrictions that prevent overcoming the excess income gap in the regions of the country. Research methods: analytical, economic-statistical, modeling. The indicators of monetary incomes of the population in the regions of the Siberian Federal District are analyzed, it is found that, while lagging behind in terms of income, there are differences in the structure of the sources of their formation. In particular, the share of income from entrepreneurship, wages and social benefits in the Siberian regions is higher than the average for Russia, while the share of income from property and other income is lower. The directions of the state income policy, problems and measures to increase the income of the population in Russia are summarized. Migration as a tool for finding large earnings is widely practiced in modern conditions, its consequences for the labor donor regions, which are the regions of Siberia, are mostly negative. Based on the factors and effects of labor migration, a model is proposed to determine the change in the gross regional product, calculations with the help of which on the example of the Republic of Khakassia, showed real production losses due to out-bound migration from the region.

Keywords: income of the population; structure of the population income; income differentiation; migration; potential GRP; government revenue policy.

Received 26.06.2023

Subrakova L.K., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at Department of Economics and Business
Katanov Khakass State University
K. Marksa st., 11, Abakan, Republic of Khakassia, Russia, 655017
E-mail: sub_lk@mail.ru